

При помощи интерфиксов образуются новые слова, созданы определенные модели, работают словообразовательные типы. Интерфиксы используются в словообразовании не только как морфологическое средство, но являются средством для создания слов, служат дериваторами. Исследование интерфиксации как закономерного процесса, признанного системой, требует комплексного рассмотрения и основательной лексикографической разработки.

Литература

1. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь: в 2 т. Т. 2. О-Я. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2008.
2. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. – М.: Изд-во вост. лит., 1962.
3. Герд А.С. Морфемика. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.
4. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. – 3-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2006.
5. Земская Е.А. Интерфиксация в современном русском словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1964.
6. Лопатин В.В. Так называемая интерфиксация и проблема структуры слова в русском языке // Вопросы языкознания. – 1975. – № 4.
7. Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику – М., 2000.
8. Чареков С.Л. Прилагательные в монгольских языках в сравнении с другими алтайскими языками. – Л., 1990.
9. Чареков С.Л. Эволюционная морфология. Ч. 1. Функционально-семантическая эволюция суффиксов в алтайских языках. – СПб.: Наука, 1999.
10. Харанутова Д.Ш. Интерфиксы бурятского языка: к постановке проблемы // Этнокультурное и фольклорное наследие монгольских народов в контексте истории и современности. – Улан-Удэ: Из-во БНЦ СО РАН, 2008.

Харанутова Дарима Шагдуровна, доцент кафедры русского языка Бурятского государственного университета, доктор филологических наук.

Тел.: +7-9149879100; e-mail: dkharanutova@mail.ru

Kharanutova Darima Shagdurovna, associate professor, department of Russian language, Buryat State University, doctor of philological sciences.

УДК 811.51.512.3

© *И. А. Ламожанова*

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО УЛИГЕРОВ ОНОНСКИХ ХАМНИГАНОВ

Анализируются имена собственные улигеров олонских хамниган, которые были собраны выдающимся ученым Ц. Жамцарано в 1911 г. в местах проживания хамниган – в верховьях реки Онон, определяются ономастические функции, фонетические, словообразовательные признаки.

Ключевые слова: ономастическое пространство, улигеры, функции, структура, хамниганский говор.

I. A. Lamozhanova

ONOMASTIC SPACE OF ULIGERS (EPOS) OF THE ONON KHAMNIGANS

The report analyzes proper nouns (anthroponyms, mythonyms, toponyms, zoonym) in the language of uligers (epos) of the Onon Khamnigans, which were collected by an outstanding scientist of Mongolian Studies Ts. Zhamtsarano in 1911 in the upper reaches of Onon-river in Chita region (Russia) – the place, where the Khamnigans lived. Onomastic functions, phonetic, word-formation signs are defined.

Keywords: onomastic space, uligers (epos), function, structure, dialect of Khamnigans.

Ономастическая наука развивается интенсивно, и это знаменуется не только через каждые три года традиционно проводящимися ономастическими конгрессами в мире [см. <http://icosweb.net>], фундаментальными трудами, восполняющими значительные лакуны в науке, но и тем, что обособливо в ней выделяются новые направления со своими новыми теоретическими и методологическими вопросами. В последнее время развивается поэтическая ономастика, которая, в свою очередь, закономерно разделилась на литературную и фольклорную. В фольклорной

ономастике последние труды посвящены новым подходам к изучению имен собственных в фольклорных текстах. Так, Д.М. Токмашев наряду с разнообразными вопросами в современной ономастической проблематике указывает на необходимость изучения концептуальной организации, лингвокультурологического аспекта семантики ономастикона устного народного творчества [Токмашев]. Р.В. Головина выявляет причины высокой частотности антропонимических единиц, устанавливает их корреляцию по разновидностям русских народных лирических песен [Головина]. О.Г. Горбачева описала денотативную базу сказочного ономастикона, рассмотрела его в культурно-историческом аспекте [Горбачева]. И.А. Петрова выявляет парадигматические отношения имен собственных и способы ономастической номинации героев в фольклорном тексте [Петрова]. Бурятская фольклорная ономастика располагает пока одним специальным трудом Л.Ц. Санжеевой «Ономастика эпоса “Гэсэр”», где автор выявляет структурно-содержательную специфику, а также особенности функционирования имен собственных в эпосе [Санжеева]. Таким образом, заслуживает поддержки комплексное исследование фольклорного ономастикона: в русле когнитивной лингвистики, функциональной ономастики не без описания структурных особенностей.

Материалом для анализа послужили имена собственные в текстах улигеров, записанных выдающимся бурятским ученым, просветителем Ц. Жамцарано в 1911 г. в местах проживания хамниган – верховьях реки Онон [Улигеры ононских хамниган]. Нами проанализированы имена собственные в 6 улигерах: Бодхон Харалдай (далее сокращенно Б.Х.), Алтанай эзэн (Хозяин Алтанай) (далее – А.Э.), Буджилту түшимэл (Сановник Буджилту) (далее Б.Т.), Болдогой чинээн болод боро моритай Болодоор эзэн (Болодор-хозяин, имеющий серо-стального коня величиною с холм) (далее – Б.Э.), Үнчүн ганца күү Гүрү Дарма күү (Одинокий сирота-мальчик, или Гуру-Дарма мальчик) (далее – Г.Д.К.), Цолбон цоохор морито Цоохондой мэргэн (Мерген Цохондой с быстрым пестрым конем) (далее – Ц.М.) Большую ценность для монголоведной науки имеет то, что улигеры изданы в книге в том виде, в каком они были записаны собирателем Ц.Ж. Жамцарано, как образцы устного народного творчества ононских хамниган.

Ономастическое пространство улигеров ононских хамниган представляется совокупностью всех онимических единиц в языке улигеров: антропонимы – 47 единиц, мифонимы – 2, топонимы – 11, зоонимы – 2. Д.М. Токмашев указывает на необходимость жанрово-дифференцированного подхода при подсчете имен собственных, что позволит говорить о количественной ономастической «насыщенности» фольклорного жанра, предлагает термин в фольклорной ономастике «ономастическая плотность текста», а коэффициент ономастической плотности вычисляет по специально выведенной

им формуле: $O^k = \frac{N^{num}}{T^{vol} / T^{num}}$ [Токмашев, с. 182]. Применительно к улигерам ононских хамниган ко-

эффициент их ономастической плотности сводится к следующему. N^{num} – количество неповторяющихся имен – 62, T^{vol} – общий объем текстов в страницах – 114, T^{num} – количество текстов – 6. Получается 3,3. Предварительно можно сказать, что улигеры ононских хамниган по ономастической плотности занимают средние места, имеется в виду относительно плотности огромного текста эпоса «Гэсэр» и малых жанров бурятского фольклора, где в первом произведении собственные имена представлены в большом количестве, в последних – существенно меньше.

Проведем анализ функционирования улигерного ономастикона, попытаемся определить их фонетическую структурную особенность, концептологический потенциал.

Итак, номинативная функция имен собственных в улигерах очевидна, и это является, как известно, ономастической универсалией для всех языков мира. Также в улигерах встречаются безымянные персонажи, которые играют немаловажную роль в развязке сюжета – важного композиционного элемента улигера. После долгого и упорного сражения из многочисленного восьмидесятитысячного войска остаются только девять доблестных воинов **харатанов** (в прошлом название одного из бурятских родов [Улигеры ононских хамниган, с. 219; далее ссылки на это издание даются с указанием только номеров страниц], объявляют перемирие и прекращают бой. Тем не менее, номинативная функция сохраняется только с помощью этнонима, соотносительности персонажей к родовому названию. Однако единично упоминается старший из подданных хана Забхалту с конкретным именем **Залан Затигар** (Б.Э.), абсолютно пассивный персонаж, который никакого действия в улигере не совершает. Можно полагать, в данном случае имеет место случайная номинация, но с явным другим назначением – обращения, призыва, воздействия: «Заха далайги эзэлсэн Забхаалту хаан гээчи босоод, ...: –

...Албатуйн түрүү ахалагчи **Залан Затигар** Забхааланай зама зэмсэги түкээрсээр байктуй!» [с. 91] – «Он (Забхалту хан) обращается ...со словами: – ...Старший из подданных **Затигар**, готовьте оружие и снаряжение Забхалана!».

Экспрессия передается в онимах **Дунгяадай** (А.Э.) (бур. дунгяа «глупый, придурковатый») «Алтаанай эзэн... Тэнэг **Дунгяадай дүүтэй**» [с. 41] и **Дээс н Манхуудай күбүүн** (Ц.М.) (бур. манха(гар) «одутловатый, опухший») «**Дэксээр гулда нитуктай Дээс н Манхуудай күбүүн**» [с. 109]. В этих именах выделяются простой и сложный антропоформанты –дай, -уу- + -дай. А.Г. Митрошкина [с. 169] считает, что уменьшительно-ласкательное значение суффикса –дай апеллятивной лексики переносится и при образовании онима. С помощью данного антропоформанта передается субъективная оценка уменьшительности-ласкательности денотата. Ср. также персонаж **Дээс н Манхуудай күбүүн** обретает другие имена: «**Дэгсээр гулда нитуктай Дэсэнцү эзэн...**» [с. 127], «**Дэксээр нитук рууни Дэсэнцү мангад ... ябана**» [с. 29].

Харизматическая (охранная) функция онимов в улигерах не прослеживается. Мы полагаем, что это специфика жанра. Такие мотивы, как волшебство, победа над злом, чудодейственная могущественная сила, бесстрашный богатырь-силач, верный помощник конь, не порождают необходимости в защите персонажей от каких-либо враждебных сил посредством личного имени.

Личные имена в улигерах свидетельствуют о социальных отношениях, имеющихся у предков хамниган. Эта функция онимов ярко прослеживается в именах с терминами, указывающими на социальное положение, титул персонажей: **Болодоор эзэн**, **Үбүгөн Буурал хаан** (Б.Э.), **Ширалдай бүкү**, **Буджилту түшимэл** (Б.Т.), **Болцуунай засуул** (М.Ц.). Весь женский антропонимикон содержит сведения о социальном положении их носительниц: **Алталунгаа хатун**, **Алтан Дангина** (А.Э.), **Буджилатаа хатун** (Б.Т.), **Забхайлан**, **Хайчилан абхай**, **Байчилан абхай** (Б.Э.), **Хайчилту абахай – Хайчилунгаа абахай** «Хайчилунга хатунша» (Ц.М.), **Харайлан хатун** (Б.Э.). Относительно структурных особенностей имен женских персонажей – для них характерны –лан, –нгаа. Созвучный –лан зафиксирован как бурятский и монгольский антропоформант: бур. **Ногоолон** (ж.), монг. **Бумбалаан – бумба** «кувшин» [Ламожанова, с. 51], ср. **Алан-гоа** (ж.) – **алан** «девственная, непорочная, чистая; изумление, загадочное явление» [Долгих, с.250-251]; это толкование поддержано Д.Д. Нимаевым [с. 82]: – **нгаа** эвенкийского языкового происхождения.

Идеологическую функцию можно проиллюстрировать на примере наличия антропонима тибетского происхождения наряду с исконными именами – **Гүрү Дарма күү** (Г.Д.К.). В эпосах появляются имена мифологических образов: **Хаан Хормусто**, **Хормусто тэнгэри** – небожитель, отец трех дев (Б.Х.) и имена бурхана из буддийской мифологии: **хара луса** «Кэндэргэй, Кэндүргэй – хара лусай күбүүн» – «Кендергей – сын черного лусуда – название бога воды» (Б.Х.), **лусун хаан** «бог Лусуд» (Г.Д.К.). «**Тэрэ загасуни лусун хаанай ганца бацаган юм сан байна**» – «**Та рыбка оказалась единственной дочкой Лусан-хана**» (графическое оформление названия бога воды в оригинальном и переводном текстах сохраняется). Д.Г. Дамдинов пишет: «...мы наблюдаем смешение дошаманистических и шаманистических взглядов носителей рассматриваемых произведений устного народного творчества ...улигеры ононских хамниган возникли в глубокой древности и ...в них отразились также верования народа более позднего периода» [с. 14].

Дейктическая функция у топонимов улигеров слабо выражена, поскольку они не указывают на конкретное место, не имеют реальных географических координат, являются вымышленными: **Долоон цог худай орон** (Б.Х.), **Дэнсээр гулда нитук** (М.Ц.), **Боро Тологой нитук** (Б.Т.), **Алтай Хангай нитук** (А.Э.), **Шира бүсөггө** (Б.Х.) (Д.Г. Дамдинов предполагает, что это название местности), **Сүмбур уула** (Б.Э.); гидронимы – **Заха далай** (Ц.М., Б.Э.) «море Заха», **Хайр далай** «море Хайр» (Б.Э.), **Хара далай** «Черное море» (Б.Х., А.Э., Б.Э.), **Шингун далай**, **Шингэн далай** «Шингун-далай» (Б.Х., Б.Т., Ц.М.). О географическом пространстве действия героев улигеров Ц.Ж. Жамцарано пишет: «...названия морей и стран носят нарицательный характер, так что трудно установить точно, где находятся описываемые в улигере страны, горы и моря» [Жамцарано, с. XXI]. Д.Г. Дамдинов высказывает мнение: «Часто антропонимические и топонимические названия в улигерах носят нарицательный характер...названия, совпадающие с современными (например, Черное море и др.), нельзя принимать за ныне существующие и обозначенные на картах Европы и Азии» [с. 18].

Сказанное отражает еще одну особенность данного ономастического разряда улигеров, которая является жанрообразующим признаком, в отличие от индивидуально-авторских текстов. В художест-

венных произведениях ярко выражена дейктическая функция, указывающая на конкретную территорию событий, действий в произведении [Шулунова, Шойбонова, с. 109]. Следует отметить, что улигерные топонимы становятся потенциальными координатами концептуального содержания картины мира хамниган – «пространства», причем безграничного пространства, которое, что примечательно, измеряется временем: «*Буду я ездить три года (в страну Хайчилту-хана)*» (Ц.М.) [с. 241], «*Дотуда (до молочного моря) расстояние в три месяца, одолею за три дня*» (Ц.М.) [с. 252]. В этом сказочном пространстве четко выступает концептуальная категория «родина, малая родина»: «*Родина моя – Боро Тологою. Зовут меня Буджилту сановник*» (Б.Т.), «*Родина моя – море Заха... Зовут меня Цохондой*» (Ц.М.).

Еще одна специфика произведений героического эпоса – наличие зоонимов: **джидк00** – имя серого коня персонажа улигера **Джидкулту** «Болодор хозяин, имеющий серо-стального коня величиною с холм» (в плане графики бурятский вариант со строчной буквы – «...Джидкулту эзэнэй джидк00 боро морини үгэ кэлэджи ябуна даа» [с. 93, 18-я строка сверху], а в переводе дается с прописной буквы – «...серый конь его **Джидко** говорит такие слова хозяину Джидкульту») [с. 216, 6-я строка снизу]; **Чиная/Чинаеэ** (Чиная – вероятно, собака (эвенк. Чёнга-ми – тьявать, взвизгивать (о собаке)) [с. 140]. И в тексте – собака вскармливала, оберегала сироту Бодхон Харалдая. Появление зоонимов в эпосе – логический результат антропоморфизма животных, наделения им психических, физических свойств человека, т.е. конь, собака являются активными персонажами, верными помощниками героев.

Дескриптивную (описательную) функцию демонстрирует процесс именованья трем сыновьям Харалта хана, Замбалту занги, Загалту занги – **Болодоор эзэн, Джиткулту, Мэткулту**. Имя присваивает **Убүгөн Буурал хаан** – почтенный старец:

Энэ гурубан күбүүдтэ
Нэрэтэни үксүү бидаа
Намааса биши лэ
Кэнтэни чи намайла аха намайдаа
Хараалтуйн күбүүн болобо.
Болод боро унаатай
Болодоор мэргэн атагайни,
Хоёр зангиин күбүүн лэ
Мэткүджи джиткүджи гарасунаараа
Мэткулту Джидкулту байтогайни».

Я имя дам
Этим трем сыновьям,
Кто же кроме меня...
С серо-стальным конем,
А сыновья двух предводителей
Рвались и стремились сильно на этот свет,
Так пусть они будут Меткульту и Джиткульту!»
[с. 82, 83,2 07]

Д.Г. Дамдинов объясняет: **Джиткулту** – от хамн. **Джиткэку** «стремиться, стараться» [с. 207]. Эти имена содержат ономастическое значение по принципу классификации мотивов присвоения имени у бурят, предложенному А.Г. Митрошкиной: «Х (т. е. денотат) родился в таких-то обстоятельствах»; или: «Х обладает таким-то признаком» [с. 146, 149].

Среди структурных, в частности фонетических особенностей имен собственных в исследуемых улигерах можно отметить следующее. Если в качестве основы онима предположить **алтан** «золото», то возможно сказать, что в конце онима появляется эмфатическая долгота вместо краткого гласного звука: **Алтаанай эзэн** (А.Э.). Такое фонетическое явление зафиксировано в хамниганском говоре: **тарагуун** – бур. **тарган** «жирный» [Дамдинов, с. 87].

Имена собственные в улигерах ононских хамниган на фонетическом уровне сохранили многие черты раннего периода монгольского периода. Так, краткие гласные непервых слогов не ассимилировались с гласным первого слога: **Гайту Гайгүй** (Б.Т.). Сохранился исторический звук **i** первого слога, отсутствует перелом гласного **i**: **Ширалдай бүкү, Шилбэлту эзэн, Ширгадаар бүкө, Ширэмэл бүкэ** (Б.Х.), **Ширээнэй хаан** (Ц.М.). Вместе с тем это фонетическое изменение – перелом гласного **i** – произошло во многих монгольских языках. Используется старомонгольский заднеязычный, смычный, глухой звук **к**: **Джидкулту** (Б.Э.): ср. хамн. **Джиткэку** (см. выше) и бур. **жүдхэхэ; Кэндэргэй / Кэндүргэй** (Б.Х.). Имеет место более старый вокализм – **ö, ү**: **Убүгөн Буурал хаан** (Б.Э.), **Ширгадаар бүкө** (Б.Х.), **Түксүлтө** (Б.Э.). Сохранился в раннем звучании конечный гласный: **Мэткулту, Гайхалту, Шинхалту, Дзосолту** (Б.Э.). Краткий гласный звук **ө** встречается в именах с мягкорядными

гласными (бур. γ, ε): **Ши́ра бус θ г θ** (Б.Х.). В онимах исследуемых улигеров наличествуют аффрикаты **дж**, **дз**, **ч**, **ц**, которые бурятский язык развил в щелевые **ж**, **з**, **ш**, **с**: **Буджилту түшимэл** (Б.Т.), **Джидкулту** (Б.Э.), **Ортоон Өрочон**, **Хайчилту хаан** (М.Ц.), **Бато цагаан** (Б.Т.), **Болцуунай засуул** (М.Ц.). Отсутствует фарингальный **h**, используется переднеязычный щелевой звук **с**, т.е. это свидетельствует о том, что общемонгольская **с** не изменилась в **h**: **Гуйбалта засуул**, **Засуул** (М.Ц.) – ср. бур. **за η уул** «уст. Есаул».

Таким образом, онимическая лексика в языке улигеров ононских хамниган представляет собой интересный материал для специального исследования. Выявленное функционирование имен собственных вполне способствует представлению картины мира создателей этих ценнейших произведений фольклора, помогает раскрытию философии народа. Топонимические единицы улигеров ононских хамниган выступают средством репрезентации концептуального содержания «пространство». В плане выражения в основном отражаются черты хамниганского говора бурятского литературного языка.

Литература

1. Головина Р.В. Антропонимы в русской народной лирической песне: автореф. дис... канд. филол. наук. – Орел, 2001.
2. Горбачева О.Г. Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок: автореф. дис... канд. филол. наук. – Брянск, 2008.
3. Дамдинов Д.Г. Этно-лингвистический очерк хамниганского говора // Исследование бурятских говоров. – Улан-Удэ, 1968.
4. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М., 1960.
5. Жамцарано Ц.Ж. Образцы народной словесности монгольских племен. Тексты. – Т. I. – Вып. 3. – Пг., 1918
6. Ламожяпова И.А. Исконные личные имена у монгольских народов: структура, семантика. – Чита, 2004.
7. Митрошкина А.Г. Личные имена бурят. – Иркутск, 1995.
8. Нимаев Д.Д. Проблемы этногенеза бурят. – Новосибирск, 1988.
9. Петрова И.А. Парадигматические отношения имен собственных и способы ономастической номинации героев в фольклорном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2011.
10. Санжеева Л.Ц. Ономастика эпоса «Гэсэр»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2000.
11. Токмашев Д.М. Теоретические проблемы фольклорной ономастики (на материале шорского фольклора) // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. – 2011. – № 9 (111).
12. Улигеры ононских хамниган / отв. ред. Л.Д. Шагдаров, Ц.-А.Н. Дугар-Нимаев; подг. текста, пер., вступ. ст. и прим. Д.Г. Дамдинова. – Новосибирск, 1982.
13. Шойбонова С.В., Шулунова Л.В. Ономастикон художественного произведения. – Улан-Удэ, 2004.

Ламожяпова Ирина Александровна, старший научный сотрудник Забайкальского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

E-mail: Lamira76@mail.ru

Lamozhapova Irina Aleksandrovna, senior research fellow of Transbaikal State University, candidate of philological sciences, associate professor.

УДК 811.512.3

© Е. А. Бардамова

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ТЕМПОРАЛЬНЫХ СЛОВ

(на материале бурятского языка)

Статья посвящена анализу семантической мотивировки темпоральных слов, называющих количественно ограниченные неопределенные промежутки времени, позволяющие выявить когнитивный процесс осмысления временной абстракции, отражающий культурный опыт концептуализации времени.

Ключевые слова: темпоральная лексика, внутренняя форма слова, дискретная природа времени, квантификация временной длительности, концептуализация времени, семантическая мотивировка, номинация временных промежутков

E. A. Bardamova

THE INTERNAL FORM OF TEMPORAL WORDS
(on the material of Buryat language)